

ГАЛЕН КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ГРЕЧЕСКОЙ *PAIDEIA* ЭПОХИ ВТОРОЙ СОФИСТИКИ

И.В. ПРОЛЫГИНА

Благодаря обширному корпусу текстов Галена, в том числе, целому ряду его автобиографических сочинений и отдельных заметок мы достаточно много знаем о его воспитании и образовании. Согласно семейной традиции он получил классическое греческое образование (так называемой *paideia*), которое позволило ему из провинциального интеллектуала стать одним из влиятельных лиц в римском обществе и достичь статуса придворного врача. Блестящее владение словом, обширная эрудиция и активное участие в интеллектуальной жизни римской элиты дают основание считать Галена одним из авторов так называемой «Второй софистики». В статье анализируются различные свидетельства Галена о его учителях, начальном обучении и школьном образовании, достоверность которых верифицируется свидетельствами его современников. Помимо чтения и критики классических текстов, составлявших фундамент греческой пайдеи, большое внимание в образовании Галена уделялось изучению точных наук таких, как евклидова геометрия и арифметика, которые вместе с логикой Аристотеля позволили Галену придерживаться доказательного метода в медицине. Анализ частотности цитирования Галеном классических авторов показал, что его базовое образование было схожим с другими авторами его времени, тогда как цитирование медицинских авторов не имеет аналогов в античной литературе. К сожалению, о его библиотеке можно составить лишь общее представление, поскольку большая ее часть погибла еще при жизни Галена в пожаре 192 г., однако сам корпус его текстов представляет собой собрание различных знаний, редких текстов и цитат. На принадлежность Галена к кругу «Второй софистики» указывает и его интерес к языку и слову, который служил

HYROTNEKA
2024. Вып. 8. С. 55–73
УДК 37.01; 1 (091)

HYROTNEKA
2024. Issue 8. P. 55–73
DOI: 10.32880/2587-7127-2024-8-8-55-73

подтверждением его статуса интеллектуала. Целая серия ныне утраченных сочинений по античной грамматике, лексикологии и риторике, которые, автор которых, с одной стороны, выступает против чрезмерного лингвистического пуризма некоторых его современников, а с другой — против вольного истолкования устаревшей аттической лексики, позволяет взглянуть на Галена не только как на врача, но и как на выдающегося эрудита своего времени.

За последние тридцать лет появилось немало исследований, в которых Гален, несмотря на медицинский дискурс, рассматривается как писатель, имеющий много формальных общих черт с софистами I–II вв. н.э., а потому принадлежащий кругу авторов «Второй софистики»¹. Однако дискуссии о месте Галена среди авторов этого направления осложнились научными дебатами о правомочности этого термина и явления как такового. Сам термин «Вторая софистика» как обозначение круга «новых» софистов и ораторов периода 50–250 гг. н.э., специализирующихся на эпидейктических выступлениях, впервые встречается у Филострата, а в научной литературе используется с середины XX века². При этом некоторые исследователи выступили за расширенное понимание этого термина, полагая, что под ним следует подразумевать не только литературное, но и общекультурное движение, основанное на преемственности литературных и образовательных традиций, восходящих еще к классическому периоду³. Задача образования (*παιδεία*) состояла, прежде всего, в том, чтобы овладеть классическими греческими дисциплинами (грамматикой, риторикой и философией) и достичь статуса *παιδευμένος*, «образованного» человека, интеллектуала, способного высказываться на разные темы.

¹ О происхождении этого термина и его характеристике см. в хронологическом порядке: Bowersock (1969), Bowie (1970), Kerferd (1981), Richter and Johnson (2017). О Галене как представителе Второй софистики см.: Kollesch (1981). P. 1–11; Percy (1993); Staden von (1997). P. 33–54; Petit (2018), Nutton (2021).

² Whitmarsh (2005).

³ Brunt (1994). P. 25–52. Об образовании в греко-римском мире см.: Марру (1998), об образовании в период Второй софистики см.: Morgan (1998), Cribiore (2001), Watts (2006) и Webb (2017). P. 139–53.

Среди исследований образования в период Второй софистики большое внимание уделялось автобиографическим свидетельствам Галена, которые сохранились в целом ряде его сочинений. Греческое образование, полученное им в детстве и юности, а также блестящая грамматическая, риторическая и философская подготовка позволили ему овладеть инструментами, необходимыми для его научных поисков, а позднее — добиться авторитета в кругу римских интеллектуалов. В этой статье мы рассмотрим различные аспекты образования Галена, исходя из его собственных свидетельств и свидетельств его современников, и попытаемся дать оценку их достоверности.

Гален понимал под *παιδεία*, прежде всего, владение греческим языком и культурой, которое достигается как изучением самого языка (грамматики, риторики, диалектики), так и греческой мифологии, истории и поэзии. Кроме того, греческое образование подразумевало и изучение предметов, которые позволяли овладеть методами логического доказательства, а именно, геометрии, арифметики, логики, музыки и астрономии. Как известно, Филон Александрийский считал все эти предметы неотъемлемой частью так наз. *ἐγκύκλιος παιδεία*, «всестороннего образования»⁴. Этот термин, вновь введенный неопифагорейцами, начиная с I в. до н.э. использовался для обозначения идеала базового образования, необходимого для овладения любой будущей профессией. В список предметов Галена входили, скорее всего, грамматика, философия, риторика, музыка, арифметика, геометрия, астрономия и медицина.

Домашнее обучение; влияние отца

Гален не сообщает, в каком точно возрасте он приступил к обучению, но скорее всего, обучение начиналось в самом раннем возрасте, приблизительно с семи лет, если его отец следовал обычной греческой практике. Квинтилиан пишет, что для подготовки идеального оратора он взял за основу греческую модель образования, где ребенок начинал свое образование дома в возрасте 7 лет с изучения грамматики или посещал школу⁵. В своем «*Протретикуе*» Гален вспоминает о так называемых грамматистах (*γραμματιστής*),

⁴ Rijk (1965). P. 92. Термин *ἐγκύκλιος παιδεία* у Галена не встречается.

⁵ Quintilianus, *Inst. orat.* 1.1.15 ff.

преподавателях грамоты, обучавших детей читать и писать⁶. За изучением чистописания, по всей видимости, следовали занятия с грамматиком (*γραμματικός*), который преподавал подросткам чтение и критику классических текстов, составлявших фундамент греческой пайдеи, а позднее и с ритором (*ρήτορ*), который обучал их искусству составления речей. В своих сочинениях Гален неоднократно упрекает в невежестве тех, кто «никогда не обучался у ритора, ни — что совершенно обычно — у учителя грамматики, но настолько не обучен речам, что не в состоянии следовать за теми словами, что слышат от нас» и кто подобен «ослам, слушающим лиру»⁷. Он ничего не сообщает нам об изучении латинского языка, которым он тем не менее, видимо, неплохо владел по прибытии в Рим, и следы которого можно встретить в ряде его сочинений⁸.

Гален сообщает, что обучался под руководством своего отца вплоть до 14 лет, и за это время он дал ему прекрасное образование в области геометрии, арифметики, архитектуры и астрономии. При этом отец, скорее всего, не просто обеспечивал его образование, но и фактически обучал его, поскольку со слов Галена известно, что он сам был достаточно силен в тех же предметах, а также в литературе⁹. В трактате «*О собственных книгах*» Гален так вспоминает о своем начальном образовании:

<...> если бы не придерживался принципов геометрии, арифметики и счета, в которых изначально преуспел благодаря образованию, полученному главным образом от отца, унаследовавшего эти теоретические знания от деда и прадеда¹⁰.

Помимо прекрасного образования отец Галена обладал высокими нравственными качествами, унаследованными им как от своего

⁶ *Protrept.* 5 (Boudon-Millot 2002: 88-89 = K. I, 7).

⁷ *De animi aff. dign.* II, 2 (K. V, 64).

⁸ Boudon-Millot (2008). P.71-80; Boudon-Millot (2012). P. 32.

⁹ *De animi aff. dign.* 8 (K. V, 41 sqq. = De Boer, CMG V 4, 1, 1, p. 28); *De ord. libr.* IV (Boudon-Millot [2007]. P. 99); *De bon. suc.* 1, 16 (K. VI, 755). Деление периодов образования на семилетние сроки было вполне традиционным. В трактате «*О здоровье*» Гален упоминает о семилетних периодах, в течение которых происходит физическое развитие ребенка.

¹⁰ *De libr. propr.* XIV, 4 (Boudon-Millot [2007]. P. 164–165), рус. пер. Пролыгина (2017). С. 518. О семье Галена см.: Schlange-Schöningh (2003). P. 40.

отца, так и приобретенными благодаря посещению лекций разных философов¹¹. По словам Галена, он презирал власть, почести и славу, но старался следовать таким добродетелям, как справедливость, воздержание, храбрость и мудрость, которыми большинство людей хвалятся, но не обладают. Другой его отличительной чертой было умение не расстраиваться по разным пустякам, особенно из-за лишения каких-либо материальных благ¹². Впоследствии Гален посвятит аффектам души, в частности, печали, отдельный трактат, а в конце своей жизни напишет длинное письмо под названием «*О том, что не стоит печалиться*». Кроме того, будущий врач унаследовал от отца, которого он называет *φιλοῦργουρος*, т.е. «любящим земледелие»¹³, прекрасное знание сельской жизни, которое неоднократно пригодится ему впоследствии в его трудах по фармакологии.

О детстве Галена известно также, что он достаточно часто болел. В трактате «*О сохранении здоровья*» он упоминает о том, что его состояние здоровья стало меняться к лучшему, когда он стал придерживаться принципов гигиены:

Но, тем не менее, вот уже много лет мы не болели ни одной болезнью из тех, что исходит от тела, за исключением, как я уже сказал, однодневной лихорадки, которая крайне редко случалась из-за сильного переутомления. Хотя в детстве, в отроческий и юношеский периоды у меня было немало серьезных заболеваний¹⁴.

Философское образование

В 14-летнем возрасте Гален приступил к изучению философии. Владение философией, так же как риторикой, завершало классическое образование и открывало для молодых людей из провинциальной элиты возможности продвижения по социальной и карьерной лестнице в Римской империи. Кроме того, изучение философии, как говорит сам Гален, давало ему возможность изучить логику и метод геометрических доказательств, позволявший отличить истину от заблуждений¹⁵. Он сообщает, что посещал занятия у наставников

¹¹ *De indol.* 59 (Boudon-Millot, Jouanna [2010]. P. 19).

¹² *De animi aff. dign.* 8 (K. V, 43).

¹³ *De bon. suc.* 1, 16 (K. VI, 755, 18) и 5, 8 (K. VI, 783).

¹⁴ *De san. tuenda* (K. VI, 309), рус. пер. — авт.

¹⁵ *De animi aff. dign.* I, 8 (K. V, 42, 6), *De libr. propr.* XIV (Boudon-Millot [2007]. P. 164 = K. XIX, 39).

почти всех философских школ: у стоика — ученика Филопатора, у платоника — ученика Гая (а позднее в Смирне у платоника Альбина), у перипатетика — ученика Аспазия и эпикурейца из Афин, однако не приводит детальной информации о содержании своих занятий. Гален не упоминает еще два философских направления — кинизм и скептицизм, или пирронизм, потому что обе эти школы отрицали необходимость логической теории и системы доказательств. Отец, по-видимому, по-прежнему контролировал его образование, иногда сопровождая его на лекции и наблюдая за преподаванием и личными качествами наставника¹⁶.

Вспоминая о периоде учебы у философов, он говорит, что его интересовала, прежде всего, логика и доказательная теория. Однако несмотря на то, что он узнал множество логических теорем, большинство из них содержали противоречия и были бесполезны для системы доказательств. В итоге он пришел к выводу, что перипатетики, стоики и платоники расходятся во мнениях не только друг с другом, но и внутри самих школ, однако все признают справедливость геометрических доказательств в логической теории. Поэтому он советует всем опираться именно на эту систему доказательств, которую изложил в своем сочинении в пятнадцати книгах «*О доказательстве*»¹⁷. К сожалению, этот текст утрачен, поэтому сказать точно, каким образом Гален использовал геометрические доказательства для решения медицинских проблем, затруднительно. Исследователи полагают, что речь могла идти о доказательстве, основанном на доводах, которые можно формализовать с помощью диаграмм, нарисованных в виде геометрических фигур евклидовой модели¹⁸.

Медицинское образование

Примерно в 16 лет Гален приступил к изучению медицины, продолжая при этом свои занятия по философии. Он так описывает это время:

¹⁶ *De animi aff. dign.* I, 8 (К. V, 42), *De foet. form.* (К. IV, 695).

¹⁷ *De libr. propr.* XIV, 4–8 (Boudon-Millot [2007]. P. 164–165), *De animi aff. dign.* (К. V, 70). От трактата *De demonstratione* сохранилось только несколько фрагментов на греческом и несколько цитат на арабском. О попытке реконструкции этого текста см.: Chiaradonna (2009). P. 43–77; Navrda (2015). P. 265–287; Прольгина (2018).

¹⁸ Hankinson (1991). P. 17–22; Lloyd (2005). P. 110–130.

Вырастив нас на изучении арифметики, логики, грамматики и других предметов, которые относятся к [начальному] образованию, когда нам шел пятнадцатый год, он подвел нас к изучению диалектики, чтобы мы обратили ум только к философии. Затем под влиянием отчетливых снов он на семнадцатом году нашей жизни побудил нас заниматься медициной одновременно с философией¹⁹.

Решение отца представлено как результат сновидений, посланных божеством, которое легитимизировало отцовское решение и предопределило, таким образом, необычную судьбу будущего врача. Вполне вероятно, что мы имеем дело с определенным литературным топосом, который служил способом придать вес и убедительность событию²⁰. Гален неоднократно без лишней скромности вспоминает о своих исключительных способностях и таланте, юном возрасте и прекрасном базовом образовании, которые вызывали удивление и зависть у его товарищей. Кроме того, в отличие от них он одновременно изучал сразу два предмета: медицину и философию, что, несомненно, свидетельствовало и о его семейном благосостоянии. Вкладывая похвалу самому себе в уста одного из своих сокурсников, он пишет:

Ты пользовался и исключительной природой, и удивительным образованием (*παίδειά*) благодаря честолюбию твоего отца, и имеешь подходящий для учебы возраст, и обладаешь всем тем, что необходимо тратить для того, чтобы спокойно предаваться занятиям²¹.

По сложившейся еще со времен Гиппократов традиции изучение медицины могло занимать от 5 до 11 лет. Ученики обычно выбирали для обучения одну из медицинских школ или могли путешество-

¹⁹ *De ord. libr.* IV, 4 (Boudon-Millot [2007]. P. 99–100), рус. пер. Пролыгина (2016). С. 64. Ср. *De anim. cuiusl. aff.* I, 8 (Kühn V, 41 и далее).

²⁰ Упоминание о вещих снах было вполне традиционным для авторов той эпохи, например у Плутарха встречается более 50 таких упоминаний. Большая роль отводилась снам и в храмовой медицине, в частности, практиковались так называемые инкубации, целью которых было получение от божества указания к лечению. Гален упоминает и о других случаях следования советам, полученным в сновидениях, см.: *De libr. pr.* III, 4–5. О роли сновидений в Античности см.: Kudlien (1981). P. 117–30, Петрова (2010).

²¹ *De meth. med.* VIII, 3 (K. X, 560–561), рус. пер. — авт.

вать в поисках знаменитых лекторов по Средиземноморью. Известно, что Гален сначала обучался в Пергаме в школе Сатира, а затем переехал в Смирну в школу врача Пелопса. За это время он старался как можно лучше усвоить учение Гиппократов и изучить анатомию. Занятия заключались, по всей видимости, в теоретическом изучении и комментировании текстов Гиппократов, в практике диссекции животных и сопровождении наставника при лечении пациентов. К этому же периоду обучения у Сатира относится и встреча Галена с Элием Аристидом, о которой он упомянет позднее в своем «Комментарии к «Тимею» Платона»²².

Вторым учителем Галена был Пелопс из Смирны. Он был известен своими лекциями по анатомии, фармакологии и комментированием текстов Гиппократов. Гален познакомился с ним еще в Пергаме во время публичных дебатов между ним и врачом эмпирической школы по имени Филипп, посвященных роли опыта в медицине. Пелопс считал, что медицина не может полагаться только на опыт, тогда как Филипп доказывал, что может. Позже Гален посвятил этим памятным дебатам небольшое сочинение, где, как он говорит, «упорядочил доводы обоих собеседников», чтобы записать их для личного изучения²³. Эти дебаты показывают, какой интеллектуальный климат царил тогда в Пергаме, куда приезжали полемизировать знаменитые врачи. После Пелопса Гален учился у Стратоника, также уроженца Пергама и ученика Сабина, одного из известных комментаторов Гиппократов. В одном из своих сочинений он с похвалой отзывается о его медицинской практике и лечении больных²⁴.

После смерти отца Гален, по всей видимости, унаследовал хорошее состояние, которое позволило ему совершить ряд научно-образовательных путешествий по Средиземноморью. Практика совершать путешествия с целью посещения занятий у наиболее авторитетных преподавателей была вполне традиционной для греко-римской элиты того времени. И тем не менее, масштабы путешествий Галена были достаточно внушительными: он побывал в Смирне, Коринфе и провел несколько лет в Александрии²⁵.

²² *In Plat. Tim. comm.* (Schröder, CMG Suppl. 1 [1934]. P. 33).

²³ *De libr. pr.* II, 3–4 (Boudon-Millot [2007]. P. 140–141).

²⁴ *In Hipp. Epid. VI*, V, 14 (CMG V, 10, 2, 2 Wenkebach [1956]. P. 287).

²⁵ Nutton (1993). P. 12–26; Прольгина (2022).

**Цитирование школьных авторов
и библиотека Галена**

Большое число ссылок на классических греческих авторов, которые встречаются в текстах Галена, еще раз подтверждает высокий уровень образования Галена, его эрудицию и, соответственно, принадлежность к кругу «Второй софистики», для которого практика цитирования была неотъемлемой частью красноречия. Как показал Л. Перно, цитата выполняла двойную функцию: она обеспечивала авторитет и убедительность высказыванию и придавала речи красоте и приятность²⁶.

К списку традиционных школьных авторов, изучавшихся в Античности, согласно исследованию Т. Джонса²⁷, выполненному на основе анализа цитирования у 18 греческих и латинских авторов, в порядке частотности относятся: Гомер, Платон, Еврипид, Гесиод, Ксенофонт, Софокл, Аристофан, Демосфен, Аристотель, Пиндар, Геродот, Фукидид, Эсхин, Эсхил, Менандр, Феопомп, Архилох, Феофраст, Исократ, Сапфо, Эпихарм, Арат, Лисий, Каллимах, Гиперид, Эзоп, Стесихор, Алкей, Симонид, Хрисипп, Кратин, Феогнид, Ликург, Гиппократ и Вакхилид. К. Эллиот в своей диссертации, посвященной месту Галена в культуре Второй софистики, составил на основе анализа текстов TLG список греческих авторов Галена²⁸. По частоте прямого цитирования результаты оказались следующими: не считая Гиппократа, который цитируется 2 570 раз в 87 сочинениях, Гален приводит ссылки на Гомера (52 цитаты в 22 сочинениях), Платона (503 / 56), Еврипида (24 / 7), Гесиода (15 / 6), Ксенофонта (9 / 6), Софокла (3 / 2), Аристофана (8 / 7), Демосфена (8 / 5), Аристотеля (233 / 36), Пиндара (7 / 6), Геродота (17 / 9), Фукидида (24 / 15), Эсхина (1 / 1), Эсхила (3 / 2), Менандра (5 / 5), Архилоха (4 / 3), Феофраста (66 / 18), Исократа (2 / 1), Сапфо (2 / 2), Арата (5 / 4), Лисия (3 / 3), Каллимаха (4 / 3), Гиперида (1 / 1), Эзопа (5 / 4), Стесихора (3 / 2), Симонида (1 / 1), Хрисиппа (345 / 23), Кратина (1 / 1), Феогнида (1 / 1) и Ликурга (5 / 2).

Приведенная статистика показывает, что чаще всего Гален цитирует античных греческих философов — Платона, Аристотеля,

²⁶ О роли цитирования в культуре Второй софистики см.: Pernot (1993), P. 726–738.

²⁷ Jones (1973). P. 39.

²⁸ Elliott (2005). P. 21–24.

Феофраста, Хрисиппа, что легко объясняется его интересом к физике, логике и этике, которые были частью философского знания. Среди античных поэтов и прозаиков Гален чаще всего цитирует Гомера, Еврипида, Фукидида и Гесиода, за которыми следуют Ксенофонт, Аристофан, Демосфен, Пиндар, Менандр и Каллимах. Порядок частотности цитирования в целом близок к порядку, установленному Джонсом, за исключением, пожалуй, Каллимаха. Обращает на себя внимание тот факт, что Гален достаточно мало цитирует греческих ораторов, что может косвенно указывать на то, что он не уделял большого внимания изучению риторики как самостоятельного предмета.

Помимо школьных авторов, к которым мы отнесли в данном случае и Гиппократ, Гален приводит огромное число ссылок на медицинских авторов как древних, так и современных, с которыми часто полемизирует и вступает в фиктивные диалоги. Таким образом, все эти данные указывают на то, что образование Галена в целом было схожим с образованием культурной элиты того времени, и его сочинения были написаны именно для этого интеллектуального круга. Сохранился живописный рассказ об одном случае на книжном рынке в Риме, в котором один из читателей Галена с легкостью по стилю определил подложность одного из сочинений, выставленных на продажу под его именем:

Ибо в Сандалиарии²⁹, где располагается большинство книжных лавок Рима, я увидел, как некие люди спорят об одной книге, находящейся в продаже, принадлежит ли она мне или кому-то другому, поскольку она была озаглавлена *Врач, Галена*. И когда кто-то решил купить эту книгу, считая ее моей, один муж из числа филологов, смущенный странностью заголовка, захотел ознакомиться с ее содержанием. Прочитав первые две строчки, он тотчас отбросил это сочинение, произнеся только, что это не стиль Галена и эта книга носит ложный заголовок. Сказавший

²⁹ Сандаларий или Сандалиарий, расположенный на северо-востоке римского форума мира, был известным римским кварталом, в котором находились книжные лавки и часто собирались городские интеллектуалы. О роли этих лавок в жизни римской интеллектуальной элиты см.: White (2009), Tucci (2008).

это, несомненно, получил первоначальное образование³⁰, которое дети эллинов получают сначала у грамматиков и риториков³¹.

Обилие цитат, которые приводит Гален, говорит и о прекрасной библиотеке, которой, по всей видимости, он располагал. К сожалению, судьба библиотеки после его смерти, в отличие от некоторых других библиотек выдающихся софистов, например, библиотеки Фаворина, которую последний завещал Героду Аттику, неизвестна. Из трактата «*О том, что не стоит печалиться*» известно, что значительная ее часть погибла в пожаре 192 г. Определить точный список его книжной коллекции представляется невыполнимой задачей по ряду причин, ясно изложенных В. Наттоном³². Во-первых, Гален не всегда уточняет, цитирует ли он то или иное произведение по первоисточнику или по какому-то собранию отрывков. Во-вторых, непонятно, имеет ли он текст перед глазами или цитирует его по памяти. Гален часто упоминает о полезности конспектов и других компиляций, а это говорит о том, что он не только составлял их для других, но и сам пользовался подобными рабочими инструментами. Как бы то ни было, сам корпус галеновских текстов представляет собой библиотеку различных знаний, собрание редких текстов и знаменитых цитат, своего рода интеллектуальное завещание.

О сочинениях Галена по грамматике, лексикологии и риторике

В своем автобиографическом трактате «*О собственных книгах*» Гален упоминает о своих сочинениях по грамматике, литературной критике и риторике³³. К сожалению, все они также были утрачены еще при жизни Галена во время пожара, случившегося в 192 г. в храме Мира, где хранились его рукописи³⁴. Среди этих сочинений Гален называет 48 книг «*О лексике аттических писате-*

³⁰ Под первоначальным образованием (*πρώτη παιδεία*) имеется в виду базовое образование, которое состояло из чтения и комментирования классических авторов.

³¹ *De libr. propr.* I, 1–4 (Boudon-Millot [2007]. P. 134–135), рус. пер. Пролыгина (2017). С. 494–495.

³² Nutton (2009). P. 19–34.

³³ *De libr. propr.* XX (Boudon-Millot [2007]. P. 173).

³⁴ *De indol.* 20 (Boudon-Millot [2010]. P. 8).

лей», которые представляли собой лексикон или словарь аттических писателей, собранный в алфавитном порядке. О содержании этого текста сохранились его замечания в трактате «*О порядке собственных книг*»:

Но по причине того, что многие врачи и философы порицают других за те греческие слова, для которых они сами устанавливают новые значения, я составил истолкование этих слов в 48 книгах, собрав их у аттических писателей, так же как другие слова — у комических. Итак, это сочинение написано, как я сказал, ради значений [этих слов]³⁵.

С одной стороны, сам факт составления подобного лексикона говорит о том, что внимание к языку было важной составляющей для утверждения статуса интеллектуала, занимающегося медицинской профессией. С другой стороны, из этого отрывка становится очевидно, что Гален не разделял стремления некоторых современников таких, как Лукиан или Фаворин, к чрезмерному лингвистическому пуризму, присоединяясь скорее к критике гиператтицизма Лукиана Самосатского³⁶. В своих сочинениях он неоднократно выражает негативное отношение к чисто терминологическим дискуссиям, которые ведутся о «словах» (*ὀνόματα*), а не о «фактах» (*πράγματα*)³⁷. Тем не менее, он прикладывает немало усилий к тому, чтобы сделать словарь античных и современных ему авторов сопоставимым и понятным и избежать неправильных терминологических толкований.

Далее в списке своих грамматических и лексикографических сочинений Гален поместил книги, посвященные лексике комедиографов: 3 книги «*Об общеупотребительной лексике*³⁸ *Евполида*»; пять книг «*Об общеупотребительной лексике* *Аристофана*»; 2 книги «*Об общеупотребительной лексике* *Кратина*»; книгу «*Примеры особой комедиийной лексики*» и книгу под названием «*По-*

³⁵ *De ord. libr.* V, 1–4 (Boudon-Millot [2007]. P. 100–101), рус. пер. Пролыгина (2016). С. 66.

³⁶ *Demonax* 26, см. Swain (1996). P. 56–63.

³⁷ *Quod opt. med.* IV. 1 (Boudon-Millot [2007]. P. 291–292); *De diff. puls.* III (К. VIII, 494, 697), см. также: Staden von (1995). P. 499–518.

³⁸ Под «общеупотребительной лексикой» (*πολιτικὰ ὀνόματα*) Гален имеет в виду, скорее всего, лексику, отличную от диалектизмов или от любой научной лексики, требующей комментария.

лезно ли чтение древней комедии для учащихся». Гален, как следует из списка, интересовался не только словарем Аристофана, но и его современников Эвполида и Кратина, которые входили в канон комедиографов классического периода. Как показали Г. фон Штаден и В. Наттон, Гален часто использовал словарь комедиографов V и IV вв. до н.э. для объяснения медицинского или иного термина, особенно в комментариях на Гиппократ³⁹. В конце главы упоминает еще 3 сочинения: 7 книг «Против тех, кто порицает допускающих солецизмы в речи»; книгу «О ложных аттицизмах»; «О ясности и неясности» и книгу «Можно ли быть одновременно критиком и грамматиком».

Отношение Галена к риторике, как показал еще Л. Пирси⁴⁰, было неоднозначным и порой противоречивым. Уже Платон, порицая ораторов за использование риторики в корыстных целях, отнес последнюю к категории лести⁴¹, и эта репутация риторики как *какотехνία*, по сути мошенничества, сохранилась за ней вплоть до эпохи Квинтилиана⁴². Взгляды, цели и методы Галена существенно отличались от взглядов его современников — софистов, которые практиковали и обучали преимущественно эпидейктическому красноречию. Исследовательский характер его сочинений, разработанная система аргументации, унаследованная от аристотелевской теории научного метода, использование силлогизмов — диалектических, риторических и софистических, а также его преданность Платону и Гиппократу указывают на то, что его целью была *ἐπιστήμη*, а не *ἐπίδειξις*. Однако для того, чтобы убедительно обосновать превосходство своего научного подхода над словесными хитросплетениями софистов и риторов, Гален, как отметил Г. фон Штаден, «тоже вышел на публичную сцену и вписал свои выступления в эпидейктическую культуру, представленную его современ-

³⁹ Staden von (1998). P. 65–95; Nutton (2009). P. 30–31.

⁴⁰ Percy (1993). P. 445–456.

⁴¹ *Gorgias* 465a.

⁴² Quintilianus, *Inst. orator.* 2.15.3. В 2.20.2–3 Квинтилиан замечает, что риторику также называют *nullam artem* или *atechnia*, а также *supervacua artis imitatio* или *mataiotechnia*. К этой же категории «пустых» или «тщетных» видов искусств относит риторику и Гален в «Протретику» IX, 1 (Boudon-Millot [2002]. P. 100).

никами, известными как софисты»⁴³. Аудитория Галена, переходя от софистических дебатов к медицинским, вероятно, предъявляла к ним одинаковые риторические, театральные и эмоциональные требования. И, если верить рассказам Галена, то он не обманул их ожиданий, и зрители нашли в нем великолепно образованного и прекрасно владеющего всем риторическим инструментарием лектора, чья техническая виртуозность удивляла и наставляла восхищенную публику. Часто упрекая софистов за недобросовестность и пустословие, Гален тем не менее и сам в случае необходимости активно пользовался их приемами, подтверждая свою причастность культуре «Второй софистики».

Материал поступил в редакцию 26.02.2024

Материал поступил в редакцию после рецензирования 20.03.2024

СОКРАЩЕНИЯ

Сочинения Галена

De animi aff. dign. — De animi cuiuslibet affectuum et peccatorum dignotione et curatione

De bon. suc. — De bonis malisque succis

De diff. puls. — De differentia pulsuum

De foet. form. — De foetuum formatione

De indol. — De indolentia

De libr. propr. — De libris propriis

De meth. med. — De methodo medendi

De ord. libr. — De ordine librorum suorum ad Eugeanum

De plac. Hipp. et Pl. — De placitis Hippocratis et Platonis

De san. tuenda — De sanitate tuenda

In Hipp. Epid. VI — In Hippocratis librum VI epidemiarum commentarii

Protrept. — Adhortatio ad artes addiscendas

Другие авторы и их сочинения

Quintilianus

Inst. orat. — Institutio oratoria

⁴³ Staden von (1997). P. 53–54.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Издания и переводы

- Boudon-Millot, V. (2002) *Galien. Exhortation à l'étude de la médecine. Art médical*. Т. II. Paris: Belles lettres.
- Boudon-Millot, V. (2007) *Galien. Introduction générale. Sur l'ordre de ses propres livres. Sur ses propres livres. Que l'excellent médecin est aussi philosophe*. Т. I. Paris: Belles lettres.
- Boudon-Millot, V., Jouanna, J. (2010) *Galien. Ne pas se chagriner*. Т. IV. Paris: Belles lettres.
- Galeni in Hippocratis Epidemiarum libr. VI comm. I-VI* (1956), CMG V 10, 2, 2. Ed. E. Wenkebach. Berlin.
- Galeni in Platonis Timaeum commentarii fragmenta* (1934), CMG Suppl. Ed. H. Schröder. Leipzig, Berlin.
- Kühn, C.G. (1821–1833) *Claudii Galeni opera omnia*. Leipzig.
- Гален. (2018, 2019) “О том, что не стоит печалиться”, пер. с древнегреч. и комм. И.В. Пролыгиной, *Философский журнал*, Т. 11, № 4, 180–186; Т. 12, № 1, 181–189. [Galen. (2018, 2019) “O tom, chto ne stoit pechalitsya”, *Filosofskij zhurnal*. Т. 11, № 4, 180–186; Т. 12, № 1, 181–189].
- Гален. (2014) “Увещание к занятию медициной”, пер. с древнегреч. и прим. И.В. Пролыгиной, *Вестник Древней Истории*, № 3, 283–299. [Galen. (2014) “Uveshhanie k zanyatiyu medicinoj”, *Vestnik Drevnej Istorii*, № 3, 283–299].
- Гален. (2017) “De libris propriis. О собственных книгах”, перевод с др.-греч. и примеч. И.В. Пролыгиной, *Schole. Философское антиковедение и классическая традиция*, Т. 11, № 2, 636–677. [Galen. (2017) “De libris propriis. O sobstvennych knigach”, *Schole. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya tradiciya*, Т. 11, № 2, 636–677].
- Гален. (2016) “О порядке собственных книг”, перевод с др.-греч. и примеч. И.В. Пролыгиной, *Историко-философский ежегодник 2016*. Институт философии РАН. М.: Аквилон, 50–68. [Galen. (2016) “O poryadke sobstvennych knig”, *Istoriko-filosofskij ezhegodnik 2016*. Institut filosofii RAN. M.: Akvilon, 50–68].

Исследования

- Boudon-Millot, V. (2008) “Galien de Pergame témoin de son temps: l'acculturation de la médecine grecque à la société romaine du II^e s. de n. è.”, *Semitica & Classica*, 1, 71–80.

- Bowersock, G. (2009) *Greek Sophists in the Roman Empire*. Oxford: Clarendon Press.
- Bowie, E. and Elsner, J. (2009) *Philostratus*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Brunt, P. (1994) “The Bubble of the Second Sophistic”, *BICS* 39, 25–52.
- Chiaradonna, R. (2009) “Le traité de Galien “Sur la démonstration” et sa postérité tardo-antique”, R. Chiaradonna, F. Trabattoni, eds. *Physics and Philosophy of Nature in Greek Neoplatonism*. Leiden–Boston, 43–77.
- Criboire, R. (2001) *Gymnastics of the Mind: Greek Education in Hellenistic and Roman Egypt*. Princeton: Princeton University Press.
- Elliott, C.J. (2005) *Galen, Rome and the Second Sophistic* (Diss.). Australian National University.
- Hankinson, R.J. (1991) “Galen on the Foundations of Science”, J.A. López Férez, ed. *Galeno: Obra, Pensamiento e Influencia* (coloquio internacional celebrado en Madrid, 22-25 de Marzo de 1988). Madrid, 17–22.
- Havrda, M. (2015) “The purpose of Galen’s treatise On demonstration”, *Early science and medicine*, vol. 20 (3), 265–287.
- Jones, T. (1973) *The Silver-plated Age*. Lawrence.
- Kerferd, G.B. (1981) *The Sophistic Movement*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kollesch, J. (1981) “Galen und die Zweite Sophistik”, V. Nutton, ed. *Galen. Problems and Prospects*. London, 1–11.
- Kudlien, F. (1981) “Galen’s Religious Belief”, V. Nutton, ed. *Galen: Problems and Prospects*. London, 117–30.
- Lloyd, G.E.R. (2005) “Mathematics as a Model in Galen”, R.W. Sharples, ed. *Philosophy and the Sciences in Antiquity*. Aldershot, 110–130.
- Nutton, V. (2009) “Galen’s library”, C. Gill, J.M. Wilkins, T.J.G. Whitmarsh, eds. *Galen and the World of Knowledge*. Cambridge, 19–34.
- Nutton, V. (1993) “Galen and Egypt”, J. Kollesch and D. Nickel, eds. *Galen und das hellenistische Erbe*, Verhandlungen des IV internationalen Galen-symposiums 18-29 September 1989. Stuttgart, 12–31.
- Nutton, V. (2021) “Galen and Sophists”, *AION. Annali dell’Università degli Studi di Napoli*, vol. 43, 114–127.
- Pearcy, L. (1993) “Medicine and Rhetoric in the Period of the Second Sophistic”, *ANRW* 37.1, 445–456.
- Pernot, L. (1993) *La rhétorique de l’éloge dans le monde gréco-romaine*, 2 vols. Paris.

- Petit, C. (2018) *Galien de Pergame ou la rhétorique de la Providence*. Leiden-Boston: Brill.
- Richter, D. and Johnson, W. (2017) *The Oxford Handbook of the Second Sophistic*. Oxford.
- Rijk, L.M. (1965) “Εγκύκλιος παιδεία. A study of its original meaning”, *Vivarium* 3, 1965, 24–93.
- Schlange-Schöningen, H. (2003) *Die römische Gesellschaft bei Galen*. Berlin – New York.
- Swain, S. (1996) *Hellenism and Empire*. Oxford.
- Tucci, P.L. (2008) “Galen’s Storeroom, Rome’s Libraries, and the Fire of a.d. 192”, *Journal of Roman Archaeology*, 21, 133–149.
- von Staden, H. (1995) “Science as Text, Science as History: Galen on Metaphor”, Ph. van der Eijk, H. F. J. Horstmanshoff, P.H. Schrijvers, eds. *Ancient Medicine in Its Socio-Cultural Context: papers read at the congress held at Leiden University 13-15 April, 2 vols*. Amsterdam: Clio Medica and Atlanta: Rodopi, vol. II, 499–518.
- von Staden, H. (1997) “Galen and the ‘Second Sophistic’”, R. Sorabji, ed. *Aristotle and After*. BICS Suppl. 68, 33–54.
- von Staden, H. (1998) “Gattung and Gedächtnis: Galen über Wahrheit and Lehrdichtung”, W. Kullmann, J. Althoff, M. Asper, eds. *Gattungen wissenschaftlicher Literatur in der Antike*. Tübingen, 65–92.
- White, P. (2009) “Bookshops in the Literary Culture of Rome”, W. A. Johnson, H. N. Parker, eds. *Ancient Literacies: The Culture of Reading in Greece and Rome*. Oxford, 268–87.
- Watts, E. (2006) *City and School in Late Antique Athens and Alexandria*. Berkeley: University of California Press.
- Webb, R. (2017) “Schools and Paideia”, D. Richter and W. Johnson, eds. *The Oxford Handbook of the Second Sophistic*. Oxford: Oxford University Press, 139–153.
- Whitmarsh, T.G.J. (2005) *The Second Sophistic*. Greece and Rome: New Surveys in the Classics 35. Oxford.
- Марру, А.-И. (1998) *История воспитания в античности (Греция)*. М.: ГЛК. [Marrou, A.-I. (1998) *Istoriya vospitaniya v antichnosti (Greciya)*. М.: ГЛК].
- Петрова, М.С. (2010) “Онейрокритика в Античности и в Средние века (на примере Макробия)”, *Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков*, М.: Круг, 176–228. [Petrova, M.S. (2010) “Onejrokritika v

Antichnosti i v Srednie veka (na primere Makrobiya)”, *Intellektualnye tradicii Antichnosti i Srednich vekov*, M.: Krug, 176–228.].

Пролыгина, И.В. (2022) “О роли научно-исследовательских путешествий в медицинском образовании II-III вв. н.э.”, *Гипотезы. Журнал по истории античной педагогической культуры*, № 6, 17–39. [Prolygina, I.V. (2022) “O roli nauchno-issledovatel'skikh puteshestvij v medicinskom obrazovanii II-III vv. n.e.”, *Гипотезы. Журнал по истории античной педагогической культуры*, № 6, 17–39.].

Пролыгина, И.В. (2018) “Рациональное и сакральное у Галена”, *Философия. Журнал ВШЭ. Философия и сакральное в Античности*. Том 2. № 1, 33–51. [Prolygina, I.V. (2018) “Racionalnoe i sakralnoe u Galena”, *Философия. Журнал ВШЭ. Философия и сакральное в Античности*. Том 2. № 1, 33–51].

Irina V. PROLYGINA

GALEN AS REPRESENTATIVE OF GREEK *PAIDEIA* OF THE SECOND SOPHISTIC ERA

Thanks to the extensive corpus of Galen's writings, which includes numerous autobiographical works and individual notes, we possess a wealth of information regarding his upbringing and education. According to a family tradition, he received a classical Greek education (known as *paideia*), which allowed him to transition from a provincial intellectual to one of the influential figures in Roman society and achieve the status of a court physician. His brilliant command of language, extensive erudition, and active participation in the intellectual life of the Roman elite justify considering Galen as one of the authors of the so-called “Second Sophistic”. This article scrutinizes Galen's various accounts of his mentors, early education, and scholastic experiences, with their veracity corroborated by contemporaneous testimonials. In addition to reading and scrutinizing the classical texts that formed the cornerstone of Greek *paideia*, Galen's education placed great emphasis on the study of exact sciences such as Euclidean geometry and arithmetic, which, together with Aristotle's logic, enabled Galen to adhere to the evidence-based method in medicine. An analysis of Galen's citation frequency of classical authors revealed that his foundational education was similar to other authors of his time, whereas the citation of medical authors is unparalleled in ancient literature. Unfortunately, we can only form a vague notion of his library since much of it was lost in a fire during Galen's lifetime in 192 AD. However, his collection of texts is a mix of various

knowledge, rare writings, and quotes. Galen's interest in language and words, which confirmed his status as an intellectual, suggests his association with the "Second Sophistic" group. He wrote several works on ancient grammar, word usage, and rhetoric, criticizing both extreme linguistic purism and loose interpretations of old-fashioned Attic language. This paints Galen not just as a doctor but also as a knowledgeable figure of his time.